

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04

POST-TRUTH: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ САМОРАЗРУШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ?

С.В. Чугров

ЧУГРОВ Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала “Полис. Политические исследования”. Для связи с автором: new-polis@politstudies.ru

Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? – Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42-59. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04

Статья поступила в редакцию: 23.01.2017. Принята к печати: 06.02.2017

Аннотация. Термин *post-truth* (“постправда”), названный в конце 2016 г. компанией Oxford Dictionaries “словом года”, отражает некую постмодернистскую модальность, деформированное состояние сознания, в котором стереотипы уже полностью потеряли связь с реальными образами. В мире постправды эмоции замещают факты, а фейки – новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности. Пользуясь методологией, разработанной классиками политической социологии и коммуникологии (Лебон, Мертон, Хабермас, Маклюэн) и современными исследователями (Кёхлер, Ходкинсон, Шарков, Соловей), автор показывает, как на “территории постправды” снижается роль фактов, доказательств, аргументации, поскольку их выносят за скобки дискурса, просто игнорируют. В статье разбирается, кто выигрывает и кто теряет от политики постправды, проводится анализ идейно-политических, социальных и институциональных оснований трансформаций, описываются технологии воздействия фальсификаций информации на политический процесс и ставятся вопросы: как и по каким направлениям происходит деформация сознания? что из привычного нарушается? как это трансформирует политические ценности? Автор делает вывод, что в эпоху постправды такая неоспоримая ценность либерального общества, как свобода слова, очевидно, рискует деградировать и превратиться в фикцию. Эрозия свободы слова по неумолимой самоубийственной логике постправды может привести к деградации и других ключевых демократических ценностей, в первую очередь, как показала избирательная кампания Дональда Трампа, свободных выборов. В кризисе могут оказаться экзистенциальные ценности, демократические процедуры и институты, глобальный проект, система международной безопасности и другие основы нынешнего миропорядка.

Ключевые слова: *post-truth*; постправда; Россия; политическая реальность; либеральная демократия; Oxford Dictionaries; Дональд Трамп; манипулирование массовым сознанием; массмедиа.

Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит,
что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает,
а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим.

Федор Михайлович Достоевский

Влиятельное британское издательство *Oxford Dictionaries* 16 ноября 2016 г. объявило *post-truth* (наши электронные СМИ переводят этот термин как “постправда”, “пост-правда”, “послеправда”) словом, отражающим “минув-

ший год в языке”. *Post-truth* — это “обстоятельства, при которых объективные факты менее значимы для формирования общественного мнения, нежели обращения к эмоциям и личным убеждениям”¹.

Термин *post-truth*, судя по версии Оксфордского словаря, появился в 1992 г. в журнале *The Nation* с легкой руки американского драматурга сербского происхождения Стива Тезича (Steve Tesich). Покойный ныне литератор, касаясь скандала Уотергейт, дела о незаконной торговле оружием “Иран-контрас” и событий вокруг Персидского залива, написал в своем эссе: “Мы, свободные люди, добровольно приняли решение, что хотим жить в некоем мире постправды”². А уже в 2004 г. вышла книга Ральфа Кейеса “Эра постправды” [Keyes 2004] со словом *post-truth* в заголовке; Колин Крауч предложил термин *post-democracy*, где “публичные электоральные дебаты представляют собой плотно контролируемый спектакль, поставленный соперничающими командами профессионалов, обладающих экспертным опытом в технике убеждения и на котором обсуждается узкий круг вопросов, обозначенных этими командами” [Crouch 2004: 4]. В том же 2004 г. историк Эрик Олтерман использовал термин *post-truth presidency* и привел примеры того, как лидеры США дезинформировали свой народ [Alterman 2004].

Исследование оксфордских языковедов показало, что СМИ использовали термин *post-truth* в 2016 г. в 20 раз чаще, чем в предыдущие годы. Пики употребления отмечались в июне — при обсуждении британского выхода из Евросоюза и на протяжении электорального марафона Дональда Трампа. Пример формирования политического дискурса на базе постправды дали дебаты вокруг *Brexit*’а весной 2016 г.: была сфальсифицирована величина взноса Британии за членство в ЕС (якобы 350 млн фунтов в неделю) с целью напугать население и склонить британцев к “выходу”. Летом того же года на фоне борьбы за кресло 45-го президента США информационное пространство наполнилось фейками — особо показательна истерия вокруг “российского следа” и “заговора русских блогеров”. В интервью BBC представитель *Oxford Dictionaries* Каспер Гратвол отметил: “На волне подъема социальных медиа как источника информации и растущего недоверия к тем фактам, которые преподносятся представителями современных общественно-политических элит, концепция ‘постправды’ вот уже некоторое время искала свое лингвистическое выражение... Учитывая темп, с которым слово все чаще используется в общественном дискурсе, я не удивлюсь, если оно станет определяющим для всей нашей эпохи”³.

Англоязычные медиаресурсы ввели это слово в оборот, а в 2016 г. его подхватили СМИ других европейских стран (например, парижский журналист Самюэль Лоран с тонкой французской иронией на все лады обыграл термин

¹ См. Word of the Year 2016 is... — Oxford Dictionaries. URL: <http://theconversation.com/the-surprising-origins-of-post-truth-and-how-it-was-spawned-by-the-liberal-left-68929> (accessed 22.01.2017).

² (“We, as a free people, have freely decided that we want to live in some post-truth world.”) Цит. по: Flood A. “Post-truth” Named Word of the year by Oxford Dictionaries. — *The Guardian*. 15.11.2016. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (accessed 22.11.2016); см. также: Макашова Н. “Послеправда” — слово года по версии Оксфордского словаря английского языка. — *МК-London*. 18.11.2016. Доступ: <https://mk-london.co.uk/news/u489/2016/11/18/14972> (проверено 22.01.2017).

³ The Surprising Origins of ‘Post-Truth’ — and How It Was Spawned by the Liberal Left. — *The Conversation*. 18.11.2016. URL: <http://theconversation.com/the-surprising-origins-of-post-truth-and-how-it-was-spawned-by-the-liberal-left-68929> (accessed 22.01.2017).

*post-vérité*⁴). На базе “постправды” сформировалась “политика постправды” (*post-truth politics*), иначе “политика постфактов” (*post-factual politics*), в которой, по мнению авторов “Википедии”, “дискуссия ограничивается в основном обращениями к эмоциям и отключена от деталей политики, а также повторяющимися аргументами, причем фактические опровержения игнорируются”⁵. Это неполное определение нуждается в уточнениях: коммуникаторы всегда апеллировали к эмоциям, поставив на конвейер клевету, подтасовку фактов, “черный PR”, и клишировали сознание, создавая стереотипы и симулякры. Автор намерен провести ревизию терминологии, показать отличие постправды нашей “текущей реальности” от привычных феноменов политического дискурса, чем сегодняшняя ситуация стала принципиально иной и как преодолеть эрозию либеральных ценностей, поскольку свобода слова мутирует в свою противоположность — вседозволенность и доминирование постправды.

МЕТОДОЛОГИЯ: СТАРТОВЫЕ ТОЧКИ АНАЛИЗА

Наш анализ понятия *post-truth* опирается как на классические труды по политической социологии [Husserl 1970], психологии “толпы” [Reich 1946; Le Bon 2001] и “травмы” [Штомпка 2005], медиалогии [Merton 1949; Habermas 2001; McLuhan 2001; Бернейс 2012; Бодрийяр 2010; 2015], так и на работы последних лет западных и российских экспертов по коммуникологии [Hodkinson 2011; Keyes 2004; Кёхлер 2013; Соловей 2015; Шарков 2016; Дружинин 2017] и др. Филолог Анна Данилова на базе публикаций традиционных и электронных медиа выделяет более 20 способов манипулирования сознанием [Данилова 2009], а политический аналитик Валерий Соловей анализирует технологии медиаманипулирования в книге “Абсолютное оружие”, которая представляет собой не столько научное исследование, сколько закрытый курс для студентов факультета международной журналистики МГИМО [Соловей 2015: 12]. То есть в отечественной научной литературе пока не удалось найти исследований, рассматривающих *post-truth* в медиaprостранстве. Задача автора — внести сильную лепту в исследования политического дискурса (не только дискурса СМИ, но и шире, включая заявления лидеров, партийные дебаты, дискуссии ученых), предваряя более полный, всесторонний анализ.

Классик теории социального поведения масс Гюстав Лебон считал, что в определенной ситуации, например, под влиянием эмоций и манипулирования сознанием, группа людей обретает новые качества, “отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания” [Le Bon 2001: 13], которое он назвал термином “толпа”. В обладающей “коллективной душой” толпе “интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность, исчезают” [ibid.: 17]. Ощущение своей “бестелесности”, анонимности в этой атомизированной толпе, согласно Лебону, подавляет “чувство ответственности” и порождает “восприимчивость к внушению”, т.е. позволяет индивиду “поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один”. Для уяснения сути постправ-

⁴ Laurent S. La “post-vérité”, “lémédia”, le fact-checking et Donald Trump. — *Medium France*. 14.11.2016. URL: <https://medium.com/france/la-post-v%C3%A9rit%C3%A9-les-m%C3%A9dias-le-fact-checking-et-donald-trump-3acbecfb8727#.cfn3x8jfp> (accessed 04.02.2017).

⁵ Post-truth politics. — *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Post-truth_politics (accessed 22.01.2017).

ды надо помнить, что инстинкты “стаи” заразительны, пробуждают импульсы, подталкивающие к разрушительным действиям. Среди ключевых черт толпы Лебон выделяет “импульсивность”, “раздражительность”, “податливость к внушениям и легковерие”, “преувеличение и односторонность чувств” [ibid.: 17].

Ганс Кёхлер (Инсбрукский университет) делает акцент на “доминировании эмоций над виртуальной или реальной толпой” в сочетании с онлайн-коммуникацией: “Любая форма массовых коммуникаций содержит риск *regressus ad emotionem* — низведения аргумента до базовых эмоций, лежащих в его основе. Усиление эмоциональной составляющей происходит не только из-за повышенной доли аудиовизуального контента в современной веб-коммуникации (по сравнению с более абстрактной природой слов на бумаге), но и благодаря ‘фактору реального времени’, т.е. огромной скорости распространения контента, не оставляющей достаточного времени на рефлексию. Тем самым получатель сообщения подвержен искушению судить о нем согласно своим эмоциям, которыми, в свою очередь, можно манипулировать еще легче, чем мнениями” [Кёхлер 2013: 83-84].

“Общество постправды” появилось потому, что, во-первых, либеральная демократия вступила в ту фазу, когда стали раздвигаться и размываться границы дозволенного; во-вторых, развитие информационных технологий и соцсетей достигло того уровня, когда с их помощью индивиды и малые группы смогли оказывать политическое влияние; в-третьих, сложилось гедонистическое массовое информационное общество (назовем его “новой толпой”), очарованное популизмом, смакующее сенсации и предпочитающее душевный комфорт и простые решения. В итоге механизмы формирования сетевого информационного поля стали задавать парадигму манипулирования всем массовым сознанием, когда свобода выбора и самовыражения оказались в узком коридоре искаженной политической реальности, за пределы которого нелегко вырваться.

45

Итак, чем отличается постправда от знакомых и хорошо изученных стереотипов, ложных имиджей и симулякров, “фейков” и “вбросов”?

Во-первых, термин “постправда” родился не в социокультурном, а в сугубо политическом дискурсе. Это “политически удобная правда” “желаемая правда”, “как-бы-правда”, продиктованная исключительно политическими интересами, особенно в электоральных процессах, отрывающих путь к власти.

Во-вторых, постправда — порождение виртуальной среды, в которой ключевую роль сыграли интернет и социальные сети, взятые на вооружение политиками и бизнесом. Сбылось предсказание Роберта Мёртона, сделанное еще в середине XX в., о появлении “новых технологий СМИ”, которые “открыли новые средства для пропаганды и богатые сокровищницы для исследования, предоставленные бизнесом и правительством, заинтересованными в этом новом оружии войны, как объявленной, так и необъявленной” [Мёртон 2006: 221]. Бегство от реальности в соцсети вызывает сперва всплески адреналина от азарта участия в политической игре (“*Kill Trump!*”, в лучшем случае “*Impeach Trump!*”), а затем и ощущение безнаказанности при конструировании виртуальной реальности, или искусственной политической среды. Возникает слой “человекороботов”, легко поддающихся усилиям манипуляторов, использующих их в политических целях [подробнее см. Чугров 2016: 188].

В-третьих, одно из центральных качеств постправды — это редукция и исчезновение смыслов в результате контекстной стандартизации политического дискурса. Как объясняют философы, “стандартное употребление слов не только не производит значения и смысла, но исключает их, подобно тому

как нельзя забивать гвоздь, думая о свойствах молотка” [Касавин 2012: 434]. *Постправда апеллирует к рефлексам, но не к рефлексии.*

Описание квазиреальности современных политических дискурсов изобилует новозом: упомянем пресловутые фейки – фальшивые, или ложные “новости, которые не все способны отличить от правды”; распространившиеся в российском дискурсе и близкие им по смыслу “вбросы” (и те, и другие раньше назывались “газетными утками”)⁶; а также ставший популярным совсем недавно “нейтральный”, минимально нагруженный негативными коннотациями термин “альтернативные новости” и т.п..

Постправда – это не ложь, не фейк, не “утка”, не миф, а некая особая квазиреальная среда, благоприятная для такого рода “псевдоновостей”, как чашка Петри с бульоном агар-агара, в котором активно размножаются болезнетворные бактерии. Среди феноменов пространства постправды – *настиш* (своего рода искусная подделка артефакта, суррогат оригинала, ироническая пародия на известные события, имитация реальных фактов, или, употребляя термин Марселя Пруста, “игровая картинка”). Постправда – это некий *контекст, модальность, ситуация*, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения, правдива ли новость или нет. Важно, чтобы она соответствовала двум условиям: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора. То есть неважно, произошло событие или нет – ведь оно могло бы произойти.

Постправда – это постмодернистская девиация, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов. Пусть вас не обманывает буквальный смысл слова “постправда”. Подлинное содержание слова состоит не в том, что проистекает из обнародованной правды, и даже не в тех событиях, что происходят после того, как люди узнают правду. Постправда – это, напротив, то, что возникает, если люди игнорируют факты, а правда уже не играет существенной роли, уступая место популистской риторике, будь то обсуждение изменения климата, проблем миграции или военных расходов. При этом постправду порождают не факты, а их переживание: “Одна из стратегий манипулирования и состоит в том, чтобы вызвать сильные эмоции и направить их в нужное манипуляторам русло” [Соловей 2015: 290-291].

Веб-коммуникации и социальные сети сделали настолько тесным переплетение “жизненных миров”, на которое указывали феноменологи Эдмунд Гуссерль и Юрген Хабермас [см. Husserl 1970; Habermas 2001: 147], что парадоксальные, с точки зрения современников, провидческие слова Маршалла Маклюэна, что “земной шар теперь – не более чем деревня” [McLuhan 2001: 5], уже не кажутся гиперболой в эпоху “сетевой деревни”.

Куда более беспощадную характеристику “населению мировой деревни” дал Жан Бодрийяр (“гуру” французского постмодерна): “Все хаотическое скопление социального вращается вокруг этого пористого объекта, этой одновременно непроницаемой и прозрачной реальности, этого ничто – вокруг масс. Все их пронизывает, все их намагничивает, но все здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа” [Бодрийяр 2010]. Он наделяет массовое сознание свойствами

⁶ Фейк – что это такое? Определение, значение, перевод. – *Что это такое?* Доступ: <https://ehto-eto-takoe.ru/fake> (проверено 11.02.2017).

“черной дыры”, а “массу” — импловивностью, которая ему представляется как нечто “не взрывающееся”, не распространяющееся вовне, а, наоборот, все втягивающее в себя. Вслед за Лебоном он считает массы “разрушающей силой всего социального”, могущество которой — в молчании [там же]⁷.

“Смутные времена”, полные внезапных и непредвиденных событий (среди которых, согласно автору термина “культурная травма” Петру Штомпке, завоевания, колонизация и массовые миграции), психологически травмировали человечество. Однако наряду с потрясениями “смутных времен” нам известны и “продолжительные, накопительные процессы: растущее перенаселение, все большая интенсивность дорожного движения... Изменения этого типа, достигая определенного порога, приобретают травматогенный характер так же, как и ‘стрессовые’ изменения, оказывают неблагоприятное воздействие на всю ткань культуры и могут представлять угрозу общественной идентичности в самом большом масштабе” [Штомпка 2005: 477-478].

Но в современном мире процесс поглощения всех смыслов [подробнее: Касавин 2012] и потребления “альтернативных фактов” стал необратим. Конкретные альтернативные понятия — “да / нет”, “истинное / ложное” — в эпоху постправды стали условными⁸, поглощаются “черной дырой” массового сознания и уступают место мемам. Автор термина “мем”, британский эволюционный биолог Ричард Докинз, делает из теории Бодрийяра вывод, что постмодернистское сознание способно воспринимать информацию об аспектах своего существования только в том случае, если они обладают особым мемокодом [Докинз 2013: гл. 11]. Суть мемокода в том, что он сигнализирует, насколько тот или иной аспект актуален и значим для потребителя. А значимость для масс, по Бодрийяру, определяется зрелищностью в широком значении. Именно поэтому постправда стремится эпатировать аудиторию и прибегает к тому, что Михаил Бахтин называл “карнавальностью”, вообще присущей постмодерну⁹.

Массовый человек, добавим, чувствует себя неуютно, попадая на “чужое поле” профессиональных политических комментаторов. Поэтому возник своего рода “фаустовский пакт”: массы отдают на откуп массмедиа трактовку политической информации и как бы доверяют им, а медиа перекраивают политическое пространство по своим лекалам, не чувствуя бдительного контроля со стороны общества. “Большие решения трудны для понимания. Политический курс извилист... Иногда их трудно объяснить. Идея публичной *post-truth* — это способ избежать подобных сложностей”¹⁰, — комментирует Трейси Браун, глава фирмы *Sense about Science*.

⁷ “Народ безмолвствует”. Такой ремаркой заканчивается пушкинская трагедия “Борис Годунов”. В этом смысле можно считать А.С. Пушкина первым постмодернистом. Он задолго до Бодрийяра заглянул в эту бездну гораздо глубже и увидел “безмолвствующую массу”, в которую превращается народ в особые моменты своего бытия, когда отчуждение от элит выходит за пределы взаимопонимания.

⁸ В книге “Реальность массмедиа” Никлас Луман отметил: “Неистинность не используется в качестве рефлексивного значения. Для новостей и комментариев (по крайней мере, в ходе поисков материала — опускаемых в сообщениях) исключение неистинного не является существенным. В отличие от научной массмедийная информация не подвергается такой рефлексии, при которой истинным образом должно констатироваться, что неистинное может быть исключено еще до того, как утверждается истина” [Луман 2005: 62].

⁹ Клоунада, мемы, маски, гротеск, эстетика *lulz* (искаженное *lols* — *lots of laughs*, “много смеха”) — неперемные атрибуты сетевого сознания в эпоху постправды [см. McDonald 2015].

¹⁰ Brown T. The Idea of a ‘Post-Truth Society’ Is Elitist and Obnoxious. — *The Guardian*. 19.09.2016. URL: <https://www.theguardian.com/science/blog/2016/sep/19/the-idea-post-truth-society-elitist-obnoxious> (accessed 10.02.2017).

КАК КОНСТРУИРУЕТСЯ ПОСТПРАВДА

Своего апогея массовое производство постправды достигло в ходе избирательной кампании по президентским выборам в США. В конце сентября 2016 г. в Твиттере был размещен поддельный скриншот сервиса для изучения трендов микроблогов, из которого якобы следовало, что хэштег *#TrumpWon* в поддержку Трампа был запущен “фабрикой троллей” из Санкт-Петербурга (потом *The Washington Post* тихо дезавуировала информацию).

В ноябре никому до того не известный микроблогер Эрик Такер из Остина (штат Техас) одним лишь твитом вызвал информационный шок, опубликовав фото вереницы автобусов вблизи места проведения антитрамповских протестов и предположив, что на них привезли митингующих для проведения *проплаченных* акций протеста. Компания, которой принадлежали те автобусы на снимке, публично объяснила, что транспорт был предназначен не для митингующих, а для участников обычной конференции. Блогер удалил твит, извинился, но опровержения (извинения), как правило, звучат глухо и спрятаны в потоках информации порой достаточно искусно¹¹.

Самые вопиющие случаи фальсификаций с целью уничтожения политического противника относятся к тематике вмешательства “российских блогеров” в электоральную кампанию демократов, фейковые факты о российском “компромете” на Трампа, на основании чего СМИ пытаются объяснить симпатии Трампа к России и ее президенту. Никто не мог привести доказательств того, что Дональд Трамп прямо контактировал с президентом России или недвусмысленно выступал в его поддержку, хотя человеческая симпатия действительно была проявлена. Однако в целом о России Трамп высказывался критически или уклончиво. В конце июля 2016 г. на пресс-конференции во Флориде на вопрос немецкой журналистки Марайке Аден, намерен ли он свернуть санкции и признать Крым российским в случае своего избрания, он ответил: “Да, мы рассмотрим такую возможность”¹².

Так политика постправды превратила Трампа в “агента”, или “друга Путина”. Бывший исполняющий обязанности директора ЦРУ Майкл Морелл в *The New York Times* сослался на “слова” Трампа, которые тот никогда не произносил: “‘Путин – великий лидер’ – сказал Трамп. Мистер Трамп занял политическую позицию, отвечающую не американским, а русским интересам – поощряя российский шпионаж против США, поддерживая аннексию Россией Крыма и включая зеленый свет возможному российскому вторжению в страны Балтии. У нас в разведке мы бы сказали, что Путин завербовал Трампа как невольного агента Российской Федерации”¹³.

Западные СМИ с середины 2016 г. придали мощный импульс волне фальсификаций, комментируя заявление представителя госдепартамента Джона Кирби, который обвинил Россию в нанесении бомбовых ударов по сирийским больницам. При этом Кирби сослался на информацию от “заслуживающих доверия гумани-

¹¹ Итоги-2016: Фейковые новости года. — *TJournal*. 23.12.2016. Доступ: <https://tjournal.ru/39006-itogi-2016-feikovie-novosti-goda> (проверено 10.01.2017).

¹² Mareike Aden. I asked @realDonaldTrump: “Would you as president want to recognize #Crimea as Russian, lift sanctions?” — “Yes we would be looking at that”. URL: <https://twitter.com/mareikeaden/status/758325768900476928> (accessed 15.02.2017).

¹³ Цит. по: Бенедиктов К. 2016. Черный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа. Второе изд. М. С. 290.

тарных организаций”. В ответ на просьбу корреспондента российского телевидения уточнить, какие больницы подверглись бомбардировке, Кирби посоветовал адресовать вопрос российским властям, грубо нарушив профессиональную этику. “Заслуживающим доверия” источником оказался “турецкий офис Сирийского американского медицинского сообщества, зарегистрированного в штате Иллинойс и со штаб-квартирой в Вашингтоне”. В результате расследования выяснилось, что этому источнику было неизвестно, кто сбросил бомбы на лечебные учреждения, поскольку это “медицинское сообщество” не имеет представителя в Сирии, а о бомбардировках кто-то слышал от “безымянных очевидцев”¹⁴.

“Кирби-кейс” предельно красноречиво иллюстрирует технический прием постправды — нанизывание ссылок на некие анонимные “источники, которые пользуются доверием в обществе”, но не поддаются идентификации. А чтобы потом было невозможно подать в суд за распространение ложной информации, многие медиа освоили формулу-трафарет: “нам неизвестно, насколько соответствует действительности данная информация, но, по сведениям из источников, которым мы склонны доверять...”.

Почему упоминания об анонимных “надежных источниках” безотказно действует на массы? Способность публики верить манипуляторам видный коммуниколог Феликс Шарков объясняет тем, что массовый человек “отличается меньшей степенью подавления бессознательного, ибо компоненты массовой культуры воздействуют на ‘подпольные’ пласты психики, на иррациональную составляющую души, которая находится вне ‘постоянного контроля сознания’” [Шарков 2016: 78]. По сути сходный случай — ссылки на авторитетные имена, исследования, которые на самом деле относятся к совсем иному контексту, но создают иллюзию фундированности и научности ложных суждений. Человек “все меньше думает сам, принимает на веру то, что говорят окружающие, ему легко внушить что-то, даже если это ‘что-то’ и вовсе не существует (у него появляется иллюзия чего-то, якобы подтвержденного научным сообществом, экспертами, но на самом деле не существующего, а просто интенсивно обсуждаемого)” [там же].

В случае разоблачения недобросовестного использования информационных ресурсов те СМИ, которые дорожат своим авторитетом, обычно извиняются за информацию. Так, *The New York Times* принесла извинения за облыжные обвинения Трампа и излишнюю запальчивость при освещении предвыборной кампании, *CNN* извинилась, когда была вынуждена прервать трансляцию заявления Мадонны о том, как она хотела “взорвать Белый дом” в знак протеста против избрания Трампа. Что же касается бесчисленных блогеров, редакторов сетевых журналов, порталов, форумов, то они извинений, как правило, не приносят и ложную информацию не опровергают. В результате традиционной журналистике угрожает кризис недоверия и коллапс. Если до эпохи постправды наблюдался баланс между *news* и *views* и доминировало мнение, что реципиентам нужны и те, и другие, то сейчас подмена фактов эмоциями ведет к тому, что такая деструктивная коммуникация “разрушает индивида как личность” [Дружинин 2017: 6].

В условиях деструктивной коммуникации медиа используют эффект “эхо-камеры” (*echo chambers*), тактику манипулирования, основанную на

¹⁴ Кононенко М. Постправда. Реплика. — Вести. 21.11.2016 (14:11). Доступ: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2824004> (проверено 04.02.2017).

том, что определенные идеи, взгляды усиливаются или подкрепляются путем передачи сообщения или его повторением внутри закрытой системы (партия, круг единомышленников, субкультура) [Jamieson, Capella 2008]. Адресат формирует сообщение, которое получают его единомышленники, они его тиражируют (зачастую преувеличивая и искажая информацию) до тех пор, пока большинство людей не предположит, что некоторые вариации этой истории являются правдой. При этом похожие сообщения гасят другие такого рода информационные потоки. Иными словами, любые высказывания приводят не к дискуссиям, а к поддакиванию и поддержке единомышленников. В такой “закрытой” системе, где отсутствует альтернатива, пользователи формируют сообщения, слушают сами себя и соглашаются сами с собой.

Польские социологи Доминик Баторски и Илона Гживиньска исследовали уровни активности пользователей сети *Facebook* в зависимости от конкретных событий политической жизни. Приведя убедительные примеры использования эффекта “эхо-камеры”, они установили, что трафик значительно уплотняется в периоды электоральных кампаний [Batorski, Grzywińska 2017]. При этом манипулятивные действия не афишируются его исполнителями, а проводятся скрытно: “Манипулирование успешно, когда и если его, а стало быть, и основанной на нем скрытой власти, не замечают, – подтверждает PR-специалист Валерий Соловей. – А то, чего мы не знаем, неспособно спровоцировать возмущение и отторжение” [Соловей 2015: 29].

На примере массового движения итальянцев против Сильвио Берлускони исследователи из Рима Лоренцо Коретти и Даниэле Пико, проанализировав качественными и количественными методами коммуникационные протоколы пользователей сети *Facebook*, сделали вывод, что социальные сети оказывают беспрецедентное влияние на формирование политических группировок, с одной стороны, но с другой стороны, ведут к распаду коллективной идентичности и групповой солидарности [Coretti, Pico 2015]. Социум под влиянием сетевой публичной политики приобретает новые атрибутивные характеристики, становится аморфной и малоструктурированной массой, утрачивая – полностью или частично – черты группового сознания¹⁵. В результате место социальных групп – больших или малых – занимает сумма разобщенных, но временно объединившихся под знаменем конкретной (реальной или мнимой) цели “переменчивых и имеющих множество аффилиаций индивидов” [Hodkinson 2011: 279]. Эта, с одной стороны, индивидуализированность и “текучесть” [Baumann 2005], а с другой стороны, “правительственность” [Фуко 2003], симуляция и гиперреальность [Бодрийяр 2010], помноженные на современные риски, деградацию окружающей среды и новый космополитизм [Beck 1999] в среде сетевых коммуникаций и “вневременного времени” [Castells 2010] и в условиях мобильностей [Урду 2008], – формируют в итоге крайне противоречивый мир “маленького человека”. В сегодняшнем обществе, где стала господствовать двойственная “ментальность ‘маленького человека’, поработанного, стремящегося к власти и в то же время протестующего... Высокая политика превратилась перед ‘маленьким человеком’ в балаганное представление” [Reich 1946: xi]. Невольно напрашивается сравнение с идеологией фашизма. Если небольшая группа

¹⁵ См. [Мирошниченко, Морозова 2017]. Авторы анализируют сетевую политику в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве, потенциал и риски рефлексивной включенности индивида в сетевые структуры и генезис организационных гибридных форм под влиянием сетевых технологий.

идеологов создает некий нарратив, а потом с помощью технологии постправды навязывает его обществу (т.е. отбирает все, что вписывается в этот нарратив, и отсекает все остальное), то его можно назвать элементом (или матрицей) тоталитарной идеологии, граничащей с идеологией фашизма.

Телевизионные каналы не предлагают “интеллектуальный фуршет”, где потребитель выбирает себе “информационное блюдо”; да и сетевые СМИ навязывают свои ценности (или антиценности), причем изощренно, создавая у реципиента ощущение, будто он отбирает информацию сам.

Флешмобы, обсуждения на форумах и иные политические акции в мультимедийной среде органично сочетаются с испытанными старыми методами — использованием слухов, сплетен, намеков, предрассудков. Противоречивость человеческой натуры никто не отменял: “Люди получают поистине гедонистическое удовольствие от слухов и развлекаются их распространением. Однако если источником слухов и умело упакованной лжи выступают СМИ, пусть даже ‘желтые’, не говоря уже о качественных, то для потребителей информации слухи приобретают статус фактов” [Соловей 2015: 137]. Эту мысль развивает исследователь массовой психологии Джим Хогган в книге “Я прав, а ты идиот. Токсическое государство публичного дискурса и как его вычистить” [Hoggan 2016], вышедшей как будто специально к президентским выборам в США: “Вместо того, чтобы оспаривать существо аргумента, люди стремятся нападать на мотивы оппонента и примешивать к этому враждебность к группам, которые придерживаются иных мнений. Эта опасная привычка набрасываться на тех, кто с нами не согласен, нежели фокусироваться на специфических предметах, отвлекает публику от происходящего в реальности”¹⁶.

Джаред Коэн, директор *Google Ideas*, бывший координатор по вопросам политического планирования при госсекретаре США, задался вопросом, являются ли взаимозависимость технологии и власти чем-то большим, чем следованием идеалам киберутопизма, иллюзии о том, чего позволит добиться современной молодежи ее “онлайн-продвинутость”, или “неодолимой связующей силой” интернета как “абсолютно разрушительной для любой политики”¹⁷. (Вспомним, что Лебон еще во времена, когда интернета не было и в помине, писал о “сознании непреодолимой силы”, позволяющем индивиду “поддаваться инстинктам”.) Эффект “непреодолимой силы” обнаружился и в перипетиях “арабской весны”, и в ходе этнических беспорядков, например, в пригородах Парижа в 2005 г. и в начале февраля 2017 г., и в Великобритании летом 2005 и 2011 гг., во время прокатившихся по Западной Европе в 2015-2016 гг. терактов и хулиганских выходов мигрантов.

51

РОССИЯ НА ПОРОГЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Мы уже ссылались на то, что Россия стала одним из акторов, втянутых в абсурд постправды. Ярким примером служит украинский кейс. Странная война как бы идет, но Киев не вводит военное положение; Киев говорит о том, что воюет с Россией, но дипотношения с Москвой не разорваны, а Липецкая кондитерская фабрика, принадлежащая Петру Порошенко, функционирует, и налоги поступают в российскую казну. Между тем Запад обвиняет Москву

¹⁶ Biggs D., Hoggan J. The Toxic State of Public Discourse and How to Clean It Up. — *MetroQuest*. URL: <http://metroquest.com/toxic-state-of-public-discourse/> (проверено 23.09.2016)

¹⁷ Cohen R. The Death of Diplomacy. — *The New York Times*. 27.06.2011. P. 2.

в том, что она наращивает присутствие своих войск, продлевает санкции, подвергает унижениям спортсменов и т.д. Постправда и состоит из таких фрагментов, из которых складывается мозаика наподобие головоломки *jigsaw puzzle*.

Эндогенная, доморощенная постправда выращивалась в сознании российской интеллектуальной элиты в течение семи десятилетий тотальной лжи в рамках стратегии, иронично обозначаемой фразой “а у вас негров линчуют”. Свежий пример: в Брюсселе в конце марта 2016 г. произошла серия терактов на этнической почве. Сообщая об этом, некоторые европейские СМИ вспомнили (правда, не очень громко и сопроводив оговорками) факт, что канцлер Ангела Меркель в 2015 г. позировала для снимка-селфи с одним из мигрантов, причем высказали предположение, что он мог оказаться террористом. Но выяснилось, что канцлер сфотографировалась с вполне законопослушным беженцем, обретшим приют в берлинской семье и не имевшим ничего общего с терроризмом. Ряд российских СМИ, в том числе ведущие телеканалы, не утруждаясь оговорками, проинформировали общество, что канцлер сделала селфи с террористом. Наши СМИ так усердно смаковали новость, что портал *TJournal* включил ее в реестр “фейковых новостей года”¹⁸.

Суждено ли России повторить западный путь к постправде или она уже давно и уверенно идет по этому пути? У нас сводные индексы развития информационно-коммуникационного комплекса указывают на снижение в 2013-2014 гг. беспрецедентных темпов роста интернет-пользователей на сто человек и на то, что максимум насыщения IT-рынка практически будет достигнут уже в 2018 г. [Сергеев, Артюшкин 2016: 123]. Параллельно с количественными сдвигами в медиасфере качественные метаморфозы испытала и политика. Так, в 1990-х годах доминировало не критическое восприятие и копирование западных политических паттернов. Но уже тогда становилось ясным, что едва ли возможно тождество между векторами политического развития России и Запада [см. Чугров 1993: 12-13].

К началу XXI в. появились исследования, доказавшие, что антизападнические стереотипы и иррациональные фобии смешаны в российском менталитете с потребностью в стабильном международном мире, а изоляционистское отторжение “чужого” — со стремлением “жить как все”, уязвленное национальное самолюбие с надеждой войти в современный развитый мир [Diligenskij, Tschugrow 2000]. Политический дискурс поражает противоречивостью, аморфностью и пассивностью общественного мнения.

Ныне мы наблюдаем новый сдвиг — нелинейный процесс усиления антизападного дискурса, что, однако, не означает отторжения западных информационных паттернов. В обществе формируется консенсус, основанный на чувстве патриотизма и на антизападной риторике, “рождаются и ставят в тупик новые социально-политические факты и тренды, например, появление девиантных форм психологической зависимости, расцветающих вместе с бесконтрольной эволюцией социальных сетей” [Россия удивляет... 2016: 193]. С одной стороны, перенасыщение российской медиасферы соцсетями и интенсивность медиатрафика уже практически догнали, а по ряду позиций, как указывается в отчете компании *comScore*, и обогнали страны Запада: уже почти шесть лет назад, осенью 2011 г. наша страна опередила Германию по численно-

¹⁸ Итоги-2016: Фейковые новости года. — *TJournal*. 23.12.2016. Доступ: <https://tjournal.ru/39006-itogi-2016-feikovie-novosti-goda> (проверено 10.01.2017).

сти интернет-пользователей и впервые вышла на первое место в Европе¹⁹. С другой стороны, мы развиваемся в контексте, отличном от западного. Позиционирование россиян в новых координатах усложняется психологически напряженным контекстом присоединения Крыма, кровопролитного конфликта на юго-востоке Украины, западных санкций и неприязненности отношений с некоторыми соседями.

Судя по докладу “Чего желает общество: стремление россиян к контролю интернета”, подготовленному ВЦИОМ и Центром изучения глобальных коммуникаций при Анненбергской школе коммуникаций университета Пенсильвании (США), почти половина респондентов (49%) считает, что информацию в интернете следует цензурировать, чуть меньшая доля респондентов (42%) верит в использование сетевых технологий против России. Почти каждый четвертый из опрошенных (24%) полагает, что интернет и социальные сети – “угроза политической стабильности в стране”, хотя каждый второй (50%) с этим не согласен. Примерно четыре из пяти опрошенных (81%) отрицательно относятся к призывам в сетях протестовать против правительства и сменить руководство страны. Значительная часть респондентов (43%) считает, что блогеры, призывающие к смене власти, “должны подвергаться цензуре со стороны правительства”. Автор доклада Эрик Нисбет (Университет Огайо) имплицитно делает вывод о толерантном отношении россиян к трендам авторитарного типа: “Когда общество чувствует угрозу как реальную, так и вымышленную, зачастую оно готово отказаться от части своих гражданских свобод в пользу государства в обмен на безопасность и защиту”²⁰. В этой атмосфере растут страхи перед кибератаками с фейковых аккаунтов и утечками информации, разочарование в системах безопасности коммуникаций. На форумах пользователи все чаще требуют “пруфа”, т.е. подтверждения фактами сомнительных новостей. Среди них все больше молодежи, самой активной части общества, которая в наименьшей степени обладает иммунитетом к постправде и наиболее привержена сетевым технологиям. Директор Института социологии РАН Михаил Горшков пишет, что “интернет был и остается своеобразной, иницирующей процесс создания новой виртуальной реальности ‘средой обитания’ молодежи” [Горшков 2011: 503]. Если не провести реформ образования и воспитания нового поколения, защищенность граждан России перед натиском политики постправды неизбежно будет снижаться.

Вместе с тем, в социокультурном генотипе нашего народа есть специфическая черта – особое пристрастие к справедливости как к мере всех вещей, в отличие от западной привязанности к формальному исполнению закона. Понятны ожидания, что обостренное переживание несправедливости убережет Россию от сползания в сферу постправды.

САМОРАЗРУШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ?

Кому выгодна политика постправды? Это, по мнению автора, 1) политические деятели, конкурирующие в борьбе за власть; 2) СМИ, добывающиеся

¹⁹ Россия вышла на первое место в Европе по числу интернетчиков. – *Lenta.ru*. Интернет и СМИ. 14.11.2011. Доступ: <https://lenta.ru/news/2011/11/14/iusers/> (проверено 11.02.2017).

²⁰ Чего желает общество: Стремление россиян к контролю интернета. – ВЦИОМ. *Официальный сайт*. Доступ: http://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-08-03_internet.pdf (проверено 11.02.2017).

сенсаций и роста числа пользователей любой ценой; 3) бизнес, получающий возможность манипулирования массовым сознанием для реализации экономических интересов; и, наконец, 4) отдельный индивидум, который через веб-сети может влиять на политические взгляды других людей ради удовлетворения личных амбиций. Проигрывают от политики постправды те самые массы, которые низводятся до потребителей фейковой информации и оказываются в зоне рисков и неуверенности. Теряет в итоге сама демократия.

Давно известны и детально изучены такие феномены, как стереотипизация, формирование имиджей, симуляция, клиширование. Но новизна ситуации в том, что засоренность контента СМИ и особенно социальных сетей сфальсифицированными фактами превысила критический порог, что привело к появлению качественно нового феномена, искривленного политического информационного пространства. Можно сделать теоретический вывод, что коммуникационная среда — это настолько чувствительная часть миропорядка, что любые системные сдвиги в ней неизбежно приводят к тектоническим изменениям самого миропорядка.

Относительно складывания контуров такого деформированного миропорядка выделим следующие характерные тенденции и риски.

— *Редукция смыслов.* Все начинается с того, что тускнеет описанный Альфредом Шюцом “мир, светящийся смыслом”, и человечество перемещается в виртуальное пространство искаженных истин. Можно себе представить, что под прессом постправды смыслы вообще будут утеряны: “Мир, очищенный от всякой угрозы смысла, асептический и невесомый — именно это совершенство завораживает” [Бодрийяр 2015].

— *Рост иррациональности.* Виртуальность и реальность, иррациональность и рациональность в политике постправды переплетаются так, что человеческое сознание не в состоянии их различить. Граница между ними становится проницаемой и условной²¹. Источником “иррациональности” становится непредсказуемость последствий [Мёртон 2006] даже тех действий, которые принято считать рациональными. Сетевое мышление соединяет иррациональные трактовки иррациональных действий в единый еще более иррациональный нарратив.

— *Деградация свободы слова.* Поскольку фейки тиражируются все более экстенсивно, а правда становится все более контекстуальной и относительной, такая ценность делиберативной демократии, как свобода слова, будет деградировать и превращаться в фикцию: чем сильнее и агрессивнее постправда, тем более разрушительную роль она играет. Вслед за свободой слова по неумолимой логике должны деградировать и другие ключевые демократические ценности, в первую очередь — ценность свободных демократических выборов, как показала кампания Дональда Трампа.

— *Потеря доверия к институтам.* В кризисе могут оказаться не только ценности, но и демократические процедуры и, главное, институты, а “слабость институционального каркаса общества” связана с дефицитом солидарности и доверия институтам — верховной, исполнительной и законодательной власти, судам, полиции, партиям, НКО, профсоюзам и пр. [Гаман-Голутвина 2011: 26].

²¹ Политические философы указывают на “несоизмеримость логик” политических акторов, которую “чаще всего принимают за иррациональность, возлагая на оппонентов ‘вину’ за собственную неспособность понять его разум” [Капустин, Мюрберг, Федорова 2015: 265].

— *Саморазрушение либеральной демократии.* Если не будет найдено противоядие этому деструктивному процессу, то мы можем стать свидетелями саморазрушения либеральной демократии, которая, как и германская нация в 1933 г., “свободно” сделает выбор в пользу эксцессов *post-truth* и проголосует за кардинальную трансформацию политической реальности.

— *Эскалация этнополитических конфликтов.* Подъем национализма неизбежно породит новые политико-территориальные, политико-институциональные и политико-управленческие конфликты [подробнее см. Семененко, Лапкин, Пантин 2016], а “универсалистские” ценности будут объявлены “патриотическими” и растащены по “национальным квартирам”.

— *Кризис глобалистского проекта.* Нарастание этноконфессиональных конфликтов, материализуясь с помощью гибридной (прежде всего информационной) войны, нанесет фатальный удар по либеральной концепции глобализации, а мир отступит в сторону Вестфалия или, что хуже, раннего Средневековья, “войны всех против всех”, шатких альянсов и макиавеллизма.

— *Коллапс международной системы безопасности.* Выход США из Договора по ПРО придал импульс процессу деградации системы международной безопасности. Атмосфера тотального недоверия лишает смысла все документы, обеспечивающие военно-политическую стабильность.

— *Экзистенциальные риски.* В условиях запредельных неопределенности и страха усугубляются не только опасности экологической катастрофы, но и риски парадоксальных разрывов, грозящих дисфункцией и тотальной дегуманизацией всего сущего. В эпоху постправды нет надежной информации, поэтому характер и последствия экзистенциальных рисков нельзя предвидеть.

Конечно, давать футурологическую картинку и заниматься прогнозами развития сложных систем — затея неблагодарная. Но цепочка бифуркаций вполне может привести к материализации “кошмарного сценария”.

Хочется верить, что нарисованная нами апокалиптическая картина едва ли мыслима в реальной жизни. Нарастающая эрозия существующего порядка, основанного на либеральных ценностях, гипотетически должна включить инстинкт самосохранения и кантовский “нравственный закон внутри нас”, придать импульс “отбойной волне” в виде возвращения к хабермасовской “этике дискурса” [Habermas 2001], к традиционным ценностям. Чтобы испытать достоверность утверждения, зададим контрольный вопрос: сами-то мы верим, что эти регуляторы спасут нас, и где гарантии, что нам удастся избежать “кошмарного сценария” — возврата к произволу и ужасам авторитарных или тоталитарных режимов?

Безусловно, известны магистральные направления противодействия социально-политической энтропии. Среди самоочевидных рецептов — формирование правовых барьеров на пути распространения непроверенной информации²², сбалансированного комплекса мер, исключающих намеренное искажение фактов, наряду с усилением гарантий защиты журналистов от необоснованного преследования со стороны властей, сочетание жесткого контроля над медиаресурсами с охраной незыблемости свободы самовыражения, но — в границах, строго определенных законом.

²² Подобные правовые барьеры постепенно появляются в России. См.: В Роскомнадзоре сообщили, что поддельные аккаунты в соцсетях нарушают закон о персональных данных. — *Newsru.com. Технологии.* 11.11.2014. Доступ: <http://hitech.newsru.com/article/11dec2014/rknfake> (проверено 11.02.2017).

У ученых ненаучный по сути феномен постправды должен вызывать отторжение, поскольку миссия науки – аргументировать идеи фактами, а не эмоциями, выносить суждения рефлексивно, а не спонтанно. Поэтому борьбу с постправдой надо начать с поручения ученым разработать комплексную программу научного анализа наблюдаемых искажений информационного пространства, провести глубокий мониторинг состояния общественного сознания²³. Надо применить весь арсенал инновационных подходов к изучению постмодернистского сетевого сознания, чтобы создать “дорожную карту” для выхода из тупика, следуя принципам новой “политики *post-fake*”, и проводить в жизнь эти принципы.

Пока же ясно одно: иррациональная политика стала системно доминировать в обществе, основанном на бодрийеровских “знаковых кодах”. Мы покидаем пределы Гутенберговой галактики (по Маршаллу Маклюэну) с ее рациональным метанарративом и вступаем в культурно-историческую нелинейную эпоху “нового Вавилона” (по Умберто Эко) с “открытыми правилами”, новыми рисками, неопределенностями и “сюрпризами”.

Бернейс Э. 2012. Манипуляция общественным мнением: как и почему. Пер. с англ. А. Белоусова. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 149-159.

Бодрийяр Ж. 2010. *В тени молчаливого большинства, или конец социального*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 100 с.

Бодрийяр Ж. 2015. *Симуляция и симулякры*. М.: Рипол классик. 320 с.

Гаман-Голутвина О.В. 2012. Метафизика элитных трансформаций в России. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 23-40.

Горшков М.К. 2011. *Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)*. М.: Новый хронограф. 672 с.

Данилова А.А. 2009. *Манипулирование словом в средствах массовой информации*. М.: Добросвет, Изд-во КДУ. 234 с.

Докинз Р. 2013. *Эгоистичный ген*. М.: Corpus. 512 с.

Дружинин А.М. 2017. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиапрактик. – *Философская мысль*. № 1. С.1-16. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.18534

Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. 2015. *Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли*. М.: Аквилон. 287 с.

Касавин И.Т. 2012. Креативность смысла. – *Коммуникативная рациональность и социальная коммуникация*. Под ред. И. Касавина, В. Поруса. М.: Альфа-М. С. 432-441.

Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? – *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4. С. 75-87.

Луман Н. 2005. *Реальность массмедиа*. М.: Праксис. 256 с.

Мёртон Р. 2006. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ, Хранитель. 880 с.

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. 2017. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 82-102. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>

Россия удивляет 2015: настроения, суждения, ценности. 2016. М.: ЭКСМО. 208 с.

²³ Журнал “Полис. Политические исследования” опубликовал не так давно глубокую аналитическую работу: в ней объектом анализа стала “сеть, узлами которой служат значения номинальных социологических переменных, а связи между узлами – статистически значимые зависимости между значениями переменных”. Ее автор обосновывает гипотезу о том, что “в некоторых случаях стандартные простые подходы к анализу результатов опросов общественного мнения не могут давать релевантного результата, интерпретируемого простыми привычным образом” [Сатаров 2015: 109].

Сатаров Г.А. 2016. Доверие как объект политической социологии. Часть II. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 109-130. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.09>

Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2016. Типология этнополитической конфликтности. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 69-94. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>

Сергеев В.М., Артюшкин В.Ф. 2016. Индикаторы инновационного потенциала политико-экономического развития. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 114-126. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.08>

Соловей В.Д. 2015. *Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования*. М.: Изд-во “Э”. 320 с.

Фуко М. 2003. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис). Пер. И. Окуневой. — *Логос*. № 4/5. С. 4-22.

Чугров С.В. 1993. *Россия и Запад: Метаморфозы взаимовосприятия*. М.: Наука. 143 с.

Чугров С.В. 2016. Российская политика сквозь призму социологических замечаний. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 183-191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.16>

Шарков Ф.И. 2016. Визуализация политического медиапространства. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 97-107. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.08>

Штомпка П. 2005. *Социология. Анализ современного общества*. М.: Логос. 664 с.

Alterman E. 2005. *When Presidents Lie: A History of Official Deception and Its Consequences*. N.Y.: Penguin. 447 p.

Batorski D., Grzywińska I. 2017. Three Dimensions of the Public Sphere on Facebook. — *Information, Communication & Society*. No. 1. P. 1-19. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1281329>

Baumann Z. *Liquid Life*. L.: Polity Press. 2005. 163 p.

Beck U. 1999. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press. 184 p.

Castells M. 2010. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I: *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell. 597 p.

Coretti L., Pica D. 2015. The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest. — *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 8. P. 951-967. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043317> (accessed 02.11.2016).

Crouch C. 2004. *Post-democracy*. Cambridge, UK: Polity. 123 p.

Diligenskij G., Tschugrow S. 2000. *Der “Westen” im russischen Bewußtsein*. Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 40 p.

Habermas J. 2001. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Band 2: *Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 632 p.

Hodkinson P. 2011. *Media, Culture and Society. An Introduction*. L.: Sage. 320 p.

Hoggan J., Litwin G. 2016. *I Am Right and You're an Idiot: The Toxic State of Public Discourse and How to Clean It Up*. Gabriola Island (Canada): New Society Publishers. 160 p.

Husserl E. 1970. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Evanston: Northwestern University Press. 405 p.

Jamieson K.H., Cappella J.N. 2008. *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*. Oxford: Oxford University Press. 301 p.

Keyes R. 2004. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. N.Y.: St. Martin's. 325 p.

Le Bon G. 2001. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, Ont.: Batoche Books. 129 p.

McDonald K. 2015. From Indymedia to Anonymous: Rethinking Action and Identity in Digital Cultures. — *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 8. P. 968-982.

McLuhan M. 2001. *Understanding Media*. L., N.Y.: Routledge. 400 p.

Reich W. 1946. *The Mass Psychology of Fascism*. N.Y.: Oregon Institute Press. 344 p.

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04

POST-TRUTH: TRANSFORMATION OF POLITICAL REALITY OR SELF-DESTRUCTION OF LIBERAL DEMOCRACY?

S.V. Chugrov¹

¹Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia

CHUGROV Sergei Vladislavovich, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia; Editor-in-Chief, *Polis. Political Studies* journal. Email: new-polis@politstudies.ru

Chugrov S.V. Post-truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy? — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 2. P. 42-59. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04

Received: 23.01.2017. Accepted: 06.02.2017

Abstract. The term *post-truth* that the Oxford Dictionaries named their 2016 Word of the Year, is a sort of a postmodernist modality, a distorted state of consciousness, in which stereotypes have completely lost connection with real images. As a result, the *post-truth policy* substitutes facts by emotions, news by blatant lies, that set the tone to political discourse and the construction of an alternative reality. The methodology of the article draws heavily on classics of political sociology and communications studies (Le Bon, Merton, Habermas, McLuhan) and innovative research papers (Köhler, Hodkinson, Sharkov, Solovey) that reveal on the “territory of *post-truth*” the erosion of the role of facts, proofs, arguments that are pushed aside to the margins of discourse, or just ignored. The author answers the question of who wins and who loses from falsification of truth, tracing the ideological, political, social, and institutional and legal basis for transformation. The author describes the impact of post-truth policies on technology of political process and raises questions: how and on what lines occurs this deformation of consciousness? what is actually broken? how transforms it the political values? There, this *post-truth* policy transforms the freedom of speech, an immanent value of a liberal society, which is running a risk of degrading and turning into fiction. The erosion of freedom of speech by the inexorable logic of the self-suicidal *post-truth* policies can lead to a degradation of other key democratic values, in the first place, as shown by the election campaign of Donald Trump, free and democratic elections. The crisis may badly hurt existential values, democratic procedures and institutes as well as global project, international security system and other corner stones of our world order.

Keywords: post-truth; Donald Trump; Russia; political discourse; liberal democracy; Oxford Dictionary; media manipulation; mass media; net-mentality.

References

- Alterman E. *When Presidents Lie: A History of Official Deception and Its Consequences*. N.Y.: Penguin. 2005. 447 p.
- Bernays E.L. Manipulating Public Opinion: the Why and the How (Russ. ed.: Bernays E.L. Manipulating Public Opinion: the Why and the How. — *Polis. Political Studies*. 2012. No. 4. P. 149-159).
- Batorski D., Grzywińska I. Three Dimensions of the Public Sphere on Facebook. — *Information, Communication & Society*. 2017. No. 1. P. 1-19. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1281329> (accessed 10.02.2017).
- Baudrillard J. *À l'ombre de la majorité silencieuse, ou la fin du social*. (Russ. ed.: Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. 2010. 100 p.)
- Baudrillard J. *Simulation et simulacres*. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Simulyatsiya i simulyakry*. Moscow: Ripol Klassik. 2015. 320 p.)
- Baumann Z. *Liquid Life*. L.: Polity Press. 2005. 163 p.
- Beck U. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 p.
- Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I: *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell. 2010. 597 p.
- Chugrov S.V. *Rossiya i Zapad: Metamorfozy vzaimovospriyatija* [Russia and the West: Metamorphoses of Mutual Perception]. Moscow: Nauka. 1993. 143 p. (In Russ.)
- Chugrov S.V. Russian Politics through Prism of Sociological Measurements. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 5. P. 183-191. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.16>

- Coretti L., Pica D. The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest. — *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18. No. 8. P. 951-967. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043317> (accessed 02.11.2016).
- Crouch C. *Post-democracy*. Cambridge, UK: Polity. 2004. 123 p.
- Daniilova A.A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii* [Verbal Manipulation in Mass Media]. Moscow: Dobrosvet, KDU Press. 2009. 234 p. (In Russ.)
- Dawkins R. The Selfish Gene. (Russ. ed.: *Egoistichnyi gen*. Moscow: Corpus. 2013. 512 p.)
- Dilgenskiy G., Tschugrow S. *Der "Westen" im russischen Bewußtsein*. Berichte des Bundesinstituts für ost-wissenschaftliche und internationale Studien. Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 2000. 40 p.
- Druzhinin A.M. Ot dialoga k manipulatsii: kriticheskiy analiz sovremennykh mediapraktik [From Dialogue to Manipulation: a Critical Analysis of Modern Media Practises]. — *Philosophical Thought*. 2017. № 1. P.1-16. DOI: 10.7256 / 2409-8728.2017.1.18534.
- Foucault M. *Governmentality*. (Russ. ed.: Foucault M. *Pravitel'stvennost'*. Moscow: Logos. 2003. No. 4/5. P. 4-22.)
- Gaman-Golutvina O.V. Metahisics of Elite Transformations in Russia. — *Polis. Political Studies*. 2012. No.4. P. 23-40. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian Society as It Is (the Experience of Sociological Diagnosis)]. Moscow: The New Chronograph. 2011. 672 p. (In Russ.)
- Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt a.M., Suhrkamp. 2001. 632 p.
- Hodkinson P. *Media, Culture and Society. An Introduction*. L.: Sage. 2011. 320 p.
- Hoggan J., Litwin G. *I Am Right and You're an Idiot: The Toxic State of Public Discourse and How to Clean It Up*. Gabriola Island (Canada): New Society Publishers. 2016. 160 p.
- Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Evanston: Northwestern University Press. 1970. 405 p.
- Jamieson K.H., Cappella J.N. *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 301 p.
- Kapustin B.G., Myurberg I.I., Fedorova M.M. 2015. *Etyudy o svobode. Poryatie svobody v evropeiskoi obshchestvennoi mysli* [Essays on Freedom. Notion of Freedom in European Social Thought]. Moscow: Aquilon, 2015. 287 p. (In Russ.)
- Kasavin I.T. Kreativnost' smysla [Creativity of Sense]. — *Kommunikativnaya ratsional'nost' i sotsial'naya kommunikatsiya*. Pod red. I.T. Kasavina, V.N. Porusa [Communicative Rationality and Social Communication. Ed. by I. Kasavin, V. Porus]. Moscow: Alpha-M. 2012. 464 p. (In Russ.)
- Keyes R. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. N.Y.: St. Martin's. 2004. 325 p.
- Köchler H. The New Social Media: Chance or Challenge for Dialogue? — *Polis. Political Studies*. 2013. No. 4. P. 75-87 (In Russ.)
- Le Bon G. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, Ont.: Batoche Books. 2001. 129 p.
- Luhman N. The Reality of the Mass Media. (Russ. ed. *Real'nost' massmedia*. Moscow: Praxis. 2005. 256 p.)
- McDonald K. From Indymedia to Anonymous: Rethinking Action and Identity in Digital Cultures. — *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18. No. 8. P. 968-982.
- McLuhan M. *Understanding Media*. L., N.Y.: Routledge. 2001. 400 p.
- Merton P.K. Social Theory and Social Structure. (Russ. ed. Merton P.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow: AST, Khranitel'. 2006. 880 p.)
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Network Public Policy: Outlines of Subject Field. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 2. P. 82-102. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>
- Reich W. *The Mass Psychology of Fascism*. N.Y.: Oregon Institute Press. 1946. 344 p.
- Rossiya udivlyayet 2015: nastroeniya, suzhdeniya, tsennosti* [Russia Surprises: Moods, Judgments, Values]. Moscow: EKSMO. 2016. 208 p. (In Russ.)
- Satarov G.A. Trust as an Object of Political Sociology. Part II. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 2. P. 109-130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.09>
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 6. P. 69-94. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06> (In Russ.)
- Sergeev V.M., Artyushkin V.F. Indicators of Innovative Potential of Political and Economic Development. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 6. P. 114-126. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.058> (In Russ.)
- Sharkov F.I. Visualization of Political Media Space. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 5. P. 97-107. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.08> (In Russ.)
- Solovei V.D. *Absolyutnoe oruzhie. Osnovy psikhologicheskoi voiny i mediamanipulirovaniya* [Ultimate Weapon. Basics of Psychological War and Media Manipulation]. Moscow: "E" Publishing House. 2015. 320 p. (In Russ.)
- Sztompka P. *Socjologia. Analiza społeczeństwa* (Russ. ed.: Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva*. Moscow: Logos. 2005. 664 p.)